позднее. Нас интересуют другие стороны во взглядах древней Руси на искусство, не менее, если не более, важные для его понимания.

Рассуждения авторов рассматриваемых произведений письменности исходят из того убеждения, что искусство есть подражание. По ясному определению грамоты 1668 года, нам уже известному, „икона, того ради наречетца" (потому так называется) „яко аки сношение есть образа ко образу с неким подобием".[1] Помимо отношения сходства, между изображением предмета и изображаемым предметом не усматривается никакого иного отношения. Понятие „образ" имеет у авторов рассматриваемых трактатов не то значение, что в наше время. Образ означает изображение, воспроизведение, но может означать и форму, которую принимает явление. Он существует не только в искусстве, но также — и прежде всего — вне искусства, в природе. Искусство воспроизводит образы, имеющиеся в природе. Образ в природе, как и в искусстве, есть нечто подражающее, воспроизводящее „первообраз". Такое определение образа дает та же грамота 1668 года. Она выводит его из примера с человеком, „образ" которого бог создал по образу и подобию своему, из чего следует, что „образ есть аки некое подражание".[2] Симон Ушаков говорит об образах предметов, отраженных в зеркальной поверхности.[3] Вместе с этим понятие „образа" включает в себя представление о форме. Образ имеет телесную, зримую форму.[4]

Искусство передает лишь то, что имеет материальную, „плотскую", по выражению Симеона Полоцкого, форму. То, что этой формы не имеет, не может быть изображено, оно — не изобразимо. В силу этого божество и ангелы не изобразимы: они не имеют образа, их нельзя видеть. „В божественное бо существо не прилагается образ", — пишет Симеон Полоцкий, ссылаясь на Иоанна Дамаскина, — „божия бо существа невозможно видеть". Изобразимы и потому изображаются лишь те телесные облики („плотское смотрение"), которые принимало божество или принимали ангелы, являясь людям.[5]

Искусство изображает предметы, имеющиеся в природе, подражая им. Симон Ушаков уподобляет изображения, создаваемые искусством, отражениям, возникающим в зеркальной поверхности. Такое сопоставление было распространено, и им воспользовался также Симеон Полоцкий: портрет богоматери, написанный евангелистом Лукою, он сравнил с зеркалом: „и тако убо устроив, яко в зерцале", — написал он в похвалу работе художника.[6]

Художник изображает то, что видит или знает по описаниям. „Премудрый художник, — говорит Иосиф Владимиров, — что он видит или слышит, то и начертывает в образах или лицах, согласно слуху или видению уподобляет".[7] Симеон Полоцкий поясняет, как художник может создавать изображения вещей, которых ему не приходилось видеть. Автор сравнивает живописца с пчелой: „Яко ж и трудолюбивии пчелы многим облетанием в лузех от благовонных цветов прекрасная и полезная во единаго сота сладость любохитросне соби-

---

[1] П. Пекарский. Материалы, стлб. 326—329; Акты Археографической экспедиции, т. IV, стлб. 224—226.
[2] П. Пекарский. Материалы, стлб. 322.
[3] Вестник Общества древнерусского искусства..., стр. 23.
[4] Там же, стр. 22.
[5] Указ. рукопись, лл. 20 и 14.
[6] Там же, л. 13 об.
[7] Ф. И. Буслаев. Русская эстетика XVII в. Сочинения, т. II стр. 432.